

С. Ю. Дивногорцева

Основы православной педагогической культуры

Светлана Дивногорцева

**Основы православной
педагогической культуры**

«ПСТГУ»

2017

УДК 27-47+371
ББК 86.372+74.03

Дивногорцева С. Ю.

Основы православной педагогической культуры /
С. Ю. Дивногорцева — «ПСТГУ», 2017

ISBN 978-5-7429-1124-1

В учебном пособии рассматриваются история и теория православной педагогической культуры в России. Автор привлекает внимание читателей к проблемам взаимодействия школы и Церкви, исследует некоторые аспекты ее социально-педагогического служения. В работе представлены принципы организации педагогической деятельности в контексте православных культурных традиций, особенности организации процесса религиозно-нравственного воспитания личности, православного семейного воспитания, этики педагогических отношений. Учебное пособие предназначено для студентов педагогических вузов, духовных семинарий и академий, бакалавров и магистров, обучающихся по направлениям «Теология», «Религиоведение», аспирантов и соискателей, для профессионального совершенствования и подготовки к духовно-нравственному воспитанию школьников преподавателей православной культуры — слушателей курсов повышения квалификации.

УДК 27-47+371
ББК 86.372+74.03

ISBN 978-5-7429-1124-1

© Дивногорцева С. Ю., 2017
© ПСТГУ, 2017

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Глава 1	10
1.1. Школа и Церковь в педагогической культуре дореволюционной России и русском зарубежье: формирование специфики взаимодействия	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Светлана Юрьевна Дивногорцева

Основы православной педагогической культуры. Учебное пособие

© Дивногорцева С. Ю., 2013

© Оформление. Издательство

Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Смена ценностных ориентиров и приоритетов российского общества, поиск духовных основ жизнедеятельности обусловили изменение социокультурного пространства современной России. Реалией сегодняшнего дня является восстановление религиозного уклада жизни в конфессиях и отдельных семьях, равноправие религиозных объединений в социальных отношениях, создание в сфере образования негосударственных конфессионально-ориентированных учреждений, обращение к традициям религиозных культур в отечественной педагогике.

Обозначенные тенденции обуславливают потребность в изучении традиций, теоретическом осмыслении специфики религиозных педагогических культур. Наиболее актуально это в отношении православной педагогической культуры, которая складывалась в России на основе длительного исторического опыта, выявляя ошибки и заблуждения, обобщая лучшие традиции, вырабатывая и сохраняя знания о педагогическом процессе и его закономерностях. Однако до настоящего времени феномен православной педагогической культуры в России не был достаточно изучен в его историческом развитии, не был обобщен в теории педагогики в целостности, хотя отдельные его аспекты рассматривались в ряде научных работ.

Настоящее учебное пособие подготовлено на основе защищенной автором в 2012 г. диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук «Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России». Создание этого пособия продиктовано необходимостью учебно-методического обеспечения одноименного курса, разработанного в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете для магистрантов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование» (программа «Педагогика начального образования, духовно-нравственного развития и воспитания школьника»), для бакалавров педагогики, готовящихся к преподаванию основ православной культуры в школе, а также стремлением расширить и дополнить материал по отечественной педагогике, представленный в существующих учебниках. В пособии достойное место отведено рассмотрению идей религиозно-нравственного воспитания в учительной литературе средневековой Руси, показано развитие церковно-педагогической мысли, отражена специфика педагогического взаимодействия школы и Русской Православной Церкви, представлена обобщенная автором теория педагогического процесса и взаимодействия его субъектов в контексте православной культурной традиции. В этом отношении данное учебное пособие будет полезно и, как надеется автор, интересно учащимся православных духовных семинарий и академий, педагогам православных школ и родителям, намеревающимся строить семью и воспитывать детей в традициях православной педагогической культуры.

Материал пособия разделен на главы, которые отражают важнейшие проблемы истории и теории православной педагогической культуры. В конце каждой главы предлагаются вопросы и задания студентам для усвоения пройденного материала и организации самостоятельной работы, а также рекомендательный список литературы для дополнительного, более углубленного изучения темы. В конце издания помещен предметный указатель.

Автор выражает глубокую благодарность архим. Георгию (Шестуну), игум. Киприану (Ященко), прот. В. Воробьеву, свящ. К. Польскову, Л. Н. Беленчук, В. А. Беляевой, А. Я. Данилюку, А. Н. Джуринскому, В. И. Жогу, М. И. Зайкину, А. Г. Козловой, Т. А. Костюковой, Е. А. Левановой, М. А. Лукацкому, В. М. Меньшикову, А. В. Мудрику, А. А. Остапенко, А. В. Овчинникову, Т. И. Петраковой, В. А. Плешакову, М. Г. Плохой, С. Б. Серяковой, В. А. Ситарову, Т. В. Скларовой, Ю. И. Щербакову, О. Л. Янушкявичене за помощь, консультации, критические замечания и создание условий для написания докторской диссертации и данного учебного пособия.

Автор также будет признателен читателям, высказавшим свои замечания и предложения в адрес книги.

Введение

Педагогика прошла довольно длительный путь своего становления, развития и изучения. В последние десятилетия ряд ученых склонны рассматривать педагогическую деятельность на общекультурном фоне, исследовать ее факты и явления в русле интеграции педагогики и культуры.

С точки зрения аксиологической теории культура понимается как духовный компонент всякой деятельности, специфическая система норм, ценностей и смыслов, отличающих одно общество от другого. В социологии культура – это целостная система человеческого общества, и все элементы, ее составляющие, связаны между собой, пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну главную ценность. Это хорошо прослеживается при обращении, например, к различного рода религиозным культурам.

Религия, со свойственной ей духовной устремленностью к Абсолюту, лежала в основе развития всех цивилизаций, формируя определенную систему ценностей. Религиозная духовность явилась базисом для развития религиозной культуры, где в качестве священного (сакрального) выступает сверхъестественная реальность, а ядром является богослужebная практика. В широком смысле в религиозную культуру включены система определенной морали и этики, бытовая культура, искусство, литература, образование и т. п. – все то, что развивалось под влиянием религиозных воззрений.

Каждая культура вырастает в определенных условиях жизни – географических, исторических, технологических, бытовых. Она творит свою историю, вырабатывает свой язык, формирует своё мировидение и традиции, в том числе образовательные, посредством которых передается социальный опыт поколений. Естественно полагать, что различные вероучения породили свои особенности культуры и, соответственно, образовательные традиции. Так, в странах православного вероисповедания сложилась православная культура, ставшая традиционной для России. Отличительной чертой ее развития является не повышение уровня и качества, но постоянный процесс накопления культурных ценностей, обеспечивающийся как усилиями отдельных индивидов, так и постоянно действующими институтами общества, такими как семья, государство, учреждения науки и образования, Церковь, поддерживающая сакральность православной культуры.

Приоритет в сущностной характеристике любой религиозной культуры отдается, как было показано выше, духовной составляющей. Следует признать, что духовность обнаруживает свое двоякое органическое единство с культурой: она является необходимым основанием культуры, но в то же время духовность как качество личности формируется в лоне культуры. Такого рода взаимосвязь духовного и культуры делает невозможным духовное воспитание и развитие индивида вне включения его в религиозную культуру. Именно здесь и находится главная точка соприкосновения образования и культуры. Образование выступает как необходимое условие воспроизводства культуры. Человек становится наследником культуры в процессе образования. Отсюда следует, что культура неразрывно связана с педагогикой, поэтому имеет смысл говорить о *педагогической культуре* общества, обозначающей особую сферу его деятельности, в которой запечатлелись духовные и материальные ценности образования. Педагогическая культура может быть представлена как совокупность достижений социальной практики, педагогических взглядов, идей, теорий, способов педагогической деятельности. Педагогическая культура существует в воспитательных и нравственных традициях общества, в педагогических теориях; в целостных педагогических системах, в моделях педагогической деятельности и личности воспитателя.

Отечественная педагогика и образование на протяжении тысячелетия развивались под влиянием православной культуры, поэтому правомерно говорить о существовании в нашей

стране такого феномена, последовательно раскрывающего себя в истории социокультурной жизни нашей страны, как *православная педагогическая культура*.

Типологически православная педагогическая культура относится к христианской культуре с ее новозаветной традицией воспитания и существованием преемственной связи с ветхозаветной педагогической традицией. Эта связь проявляется в неизменной направленности религиозно-нравственного становления личности. Поэтому основным предметом педагогической деятельности в православной педагогической культуре выступает религиозно-нравственное развитие и воспитание личности.

В ветхозаветный период акцент ставился на внешнем проявлении святости как предельного уровня религиозно-нравственного развития индивида, на абсолютной верности Завету, заповедям, излагавшим нормы человеческой совести. В новозаветное время воспитание становится нацелено не только на то, чтобы сформировать внешнее доброе поведение, но и на то, чтобы выработать в человеке внутренние основы жизни. Идеальное в христианской педагогической парадигме становится выше нормативного. Христианство принесло с собой в мир любовь и кротость, смягчив людские отношения. Основными законами в христианской парадигме воспитания становятся: «Возлюби Бога» и «Возлюби ближнего» (Мф 22.37,39), что говорит о ее другодоминантности, поскольку она ориентирует в воспитании на понимание ценности Другого (Бога и человека). Основной характеристикой взаимодействия людей друг с другом в христианской парадигме является соборность – духовное единение людей (вера в Бога), в котором индивидуальность не подавляется, но развивается на духовной основе; подобная духовная интеграция преодолевает обезличенность коллективизма и негативность индивидуализма для общества. Соборность является в христианской парадигме реализацией духовной жизни и может воплощаться в жизни в практической деятельности Церкви, семьи и православной школы.

Таким образом, православную педагогическую культуру можно представить как часть общемировой и национальной культуры, сферу педагогических ценностей, включающую теоретические представления о духовно развивающей деятельности, а также опыт религиозно-нравственного воспитания и обучения личности.

Глава 1

Православная педагогическая культура в контексте развития отечественной школы и социокультурной деятельности Церкви

1.1. Школа и Церковь в педагогической культуре дореволюционной России и русском зарубежье: формирование специфики взаимодействия

Систематическое научное изучение истории отечественного образования началось с XIX в. в связи с реформами школы и возникшей по этому поводу полемикой о ее устройении славянофилов и западников. В контексте полемики важнейшим пунктом обсуждения стала роль Русской Православной Церкви в образовании народа. Сторонники укрепления влияния Церкви на русскую школу стремились показать, что ее участие в деле просвещения во все периоды русской истории было успешным и плодотворным. Противники (либералы, социалисты) отстаивали тезис о том, что Русская церковь так и не сумела на протяжении веков хорошо организовать дело отечественного образования.

И. В. Киреевский в 1852 г. в работе «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» отказался от весьма характерного для его времени противопоставления «образованного Запада» и «непросвещенной России». Само понятие «просвещение» он истолковывал в рамках идеи раскрытия духовных основ нравственной жизни человека. Просвещение у него – это приобретение личного духовного опыта, выстраивание внутреннего мира человека. Киреевский утверждал, что образование Древней Руси, не обладая, на первый взгляд, систематичностью, имело более важную ценность – высокую культуру нравственного просвещения народа, источником которой выступала Русская Православная Церковь.

Достоверно известно из летописных источников («Повесть временных лет»), что вскоре после крещения киевлян св. равноап. князь Владимир начал посылать детей «на учение книжное» в так называемые училища, создававшиеся, главным образом, с целью «утверждения веры». С принятием христианства явилась потребность в иных законах жизни, от самого Бога, но для своего познания и распространения они требовали от Руси учения и образования.

Дело Владимира продолжил Ярослав, распространяя грамотность в России и умножая число школ. Известно об открытии им, например, в 1030 г. школы в Новгороде, где обучались около 300 человек. Сын Ярослава Святослав Черниговский имел у себя «полны клети книг», из которых до нас дошли два сборника, известных под его именем (1073, 1076). В летописи от 1093 г. говорится о даяниях князя Всеволода Ярославовича на содержание училищ в Переяславле, Суздале, Чернигове и Киеве, известно об открытии в 1096 г. школы в Муроме, в 1097 г. – училища во Владимире и т. д. Любовью к образованию известны были также Всеволод Переяславский и сын его Владимир Мономах. Есть известия, что Роман Ростиславович Смоленский строил училища и содержал для них учителей греческих и латинских, что Константин Всеволодович Ростовский составил у себя библиотеку более чем в тысячу томов.

В Древней Руси повсеместное распространение училищ было тесно связано не только с распоряжениями князей, но и, прежде всего, с деятельностью Церкви. Опираясь на свидетельства летописей, еще в XIX в. Н. А. Лавровский сумел воссоздать содержание образования в древнерусской школе. По реконструкции Лавровского в состав дисциплин входили религиоз-

ное чтение, церковное письмо и церковное пение, реже грамматика и счисление. Содержание образования было синтезом религиозных знаний, христианской нравственности и умственного воспитания. «Учились для спасения души...» – писал об этом периоде П. Ф. Каптерев [11, с. 12].

По мнению Л. Н. Модзалевского, Русь в Киевский период и по уровню достигаемой учености, и по характеру организации учебного процесса восприняла византийскую образованность, направленную на нравственное развитие личности.

Единственным типом образования Киевской Руси было церковное образование для всех, школа имела церковный характер. Положительной стороной такого церковного учения, по мнению С. И. Миропольского, является то, что оно не рассеивает, не разбрасывает ум человека, но «сосредотачивает, ведет в глубь сознания», не надмевает ум, но ведет к самопознанию, «охватывает внутреннее существо человека, возводит его к высшему идеалу жизни...» [20, с. 72]. Главное внимание древнерусской педагогической культуры было обращено не на систему научных знаний, а на духовно-нравственное воспитание человека, усвоение им житейских правил. Глубоковоспитательной была не только цель обучения, но и его порядок, и устройство школы. Ученье начиналось молитвой, служением молебна, после которого садились за азбуки. По «изучении» азбуки ученику давалась Псалтирь. По ней он «навыкал чтению» (отметим, что в качестве учебной книги Псалтирь употреблялась в некоторых школах вплоть до начала XX в.). Псалмы не только учились наизусть, но и пелись. Также учебной книгой считался и часослов. По окончании изучения этих книг ученик был подготовлен к чтению других божественных книг и отеческих писаний. Таким образом, грамота выступала лишь как средство духовного просвещения человека. «Главной целью школ была не грамота, не книжность, – писал С. И. Миропольский, – но просвещение учащихся светом Христова учения, воспитание любви к православной церкви, послушание ее заповедям, добрая жизнь по вере; грамотность же служила только средством для этой цели» [20, с. 73].

Таким образом, главной задачей древнерусского образования изначально выступала задача научить, как жить по-христиански. Кроме образовательного учреждения, «школой душевного спасения» выступала чаще всего приходская церковь со священником, использовавшим «сакральные» средства религиозно-нравственного воспитания личности (богослужение, исповедь), рациональные (поучения), нравственно-ориентированные (пример собственной жизни). В состав его «курса» входили: богословие («как веровати»), политика («как царя чтити»), нравоучение («как чтити духовный чин и учения его слушати, аки от Божиих уст») [14, с. 9]. Это учение священника разносилось по домам, и уже отец, хозяин дома, выступал в роли помощника священника, «народного учителя». Семья была его «народной школой». На него возлагалась обязанность беречь чистоту телесную и душевную своих домашних, вести их к Богу.

Учительство стало духовным просвещением. Школы имели плодотворное влияние на русский народ, укрепляя в нем православие, возвышая его нравственно. Образование в домонгольский период отличалось определенной целостностью, ясностью, систематичностью. Оно было всесловно и одинаково для всех: и для мирян, и для духовенства. Примечательно, что и Л. Н. Толстой в статье «О народном образовании», восхищаясь древнерусской школой, писал о ней: «...какая сила веры и твердого несомненного знания того, что истинно и что ложно... Сравните после этого догматическую школу Средних веков, в которой истины несомненны, и нашу школу, в которой никто не знает, что есть истина...» [28, с. 35].

Школы, хотя и в небольшом количестве, продолжали существовать и во времена монгольского ига. Об этом свидетельствует, в частности, ярлык хана Узбека, данный митрополиту Петру (1313). В нем хан обращается между прочими гражданскими лицами также к «книжникам, уставодержальникам и учительным людским повестникам». Скорее всего, в это время существовали отдельные частные школы у учителей-мастеровых.

Историк Е. Е. Голубинский полагал, что просвещение по греческому образцу, включающее риторику, диалектику и грамматику, было в период Киевской Руси недолгим (в поколениях Ярослава Мудрого и его детей), распространенным в основном в среде высшего сословия (князья и бояре). Оно быстро угасло, выродившись в простую грамотность, поддерживающее начетничество в основном в среде священнослужителей. Причину этого он видел не столько в монгольских завоеваниях, сколько в том, что русскому человеку оказалось не по силам перенять византийскую классическую образованность. Голубинский считал, что ошибкой Владимира было то, что, набрав частных учителей, он не собрал их вместе и не ввел систематический курс обучения, отдав его на попечение частной инициативе.

Возрождение отечественных школ относится к концу XIV – началу XV в. – времени подъема и напряженного творчества, интенсивного становления русской национальной культуры. Начиная с XV в., возрастает число школ, большинство из которых оставались достаточно простыми, учили грамоте и «всякому благочестию». Книжная культура Московской Руси уже не имела следов систематической школы, однако школа элементарной грамотности не исчезла. Интерес к книгам был высок.

Историки П. Н. Милюков, А. В. Карташев, характеризуя периоды Киевской и Московской Руси, говорили «о скудости просветительских средств», находившихся в распоряжении Церкви: мало книг и мало учителей, малограмотность самих священнослужителей. Данные ученые сходились на том, что более или менее сознательно православная религия была принята в среде людей богатых, князей, некоторой «передовой» части духовенства, жителей крупных городов, имевших доступ к книжной мудрости. Поэтому, делали вывод ученые, большинство населения Древней Руси восприняли внешнюю, обрядовую форму религии, а не ее сущность и дух [19, 12]. В целом, как мы видим, они приняли точку зрения Голубинского. Однако свидетельства летописей о заведении училищ, появление высокохудожественных литературных произведений митрополита Иллариона, Кирилла Туровского, «Слово о полку Игореве» свидетельствуют о достаточно высоком систематическом образовании, заведенном Владимиром.

В царствование Иоанна Грозного в 1551 г. состоялся знаменитый Собор, именуемый Стоглавом. Как известно, царь предложил Собору ряд вопросов о «нестроениях» на Руси, в том числе и вопросы, связанные с обучением. В XXVI главе Стоглава говорится об учреждении в каждом городе школ при церквях для детей священников, диаконов и всех православных христиан. Школы предназначались «научению грамоте и на учение книжного писания и церковного пения, и псалтырного пения на лойного; и те бы священники и дьяконы и дьячки выбранные учили своих учеников страху Божию и грамоте, и писати, и пети, и чести со всяким духовным наказанием. Наипаче же сего учеников бы своих берегли и хранили во всякой чистоте и блюли их от всякого растления и от всякие нечистоты...». Документ этот, как отмечал С. И. Миропольский, представляет большую важность. «Школа на Руси здесь впервые является предметом заботливости целого собора, царя и русских иерархов», – писал он [20, с. 178]. Курс школы остался издревле установленный. Первостепенное значение придается воспитательной стороне школы, чтобы учили учеников страху Божию и всякому благочинию, и само учение вели с духовным наказанием (наставлением). Школа по-прежнему прежде всего нужна была для спасения и нравственного назидания человека.

П. Ф. Каптерев писал о существовании в московский период монастырских и домашних библиотек, наличии обширной переписки, летописной традиции, развитии словесности. В этой книжной культуре, по мнению Каптерева, однако, нет следов систематической школы. Каптерев характеризует этот тип учености как «начетничество» – совокупность познаний, приобретенная в силу обширного, но недисциплинированного и некритического чтения, руководимого не школой, но предпочтениями и пристрастиями.

Учили в школе, отмечал П. Ф. Каптерев, и вообще грамоте духовные лица: священники, дьяконы, дьячки, монахи. Обучение происходило в домах священно- и церковнослужителей,

школы помещались при церквях, при епископских домах, вследствие чего в Малороссии была даже поговорка: «Школа – церковный угол». В школе читали те же книги, что и в церкви, руководили школой, были деятелями в ней те же лица, которые совершали богослужение в церкви. Школа и Церковь были тесно взаимосвязаны, они преследовали одни и те же цели, а преподавательскими средствами, кроме чтения книг, были богослужение, исповедь, поучение, пример собственной жизни; «где кончалось влияние одной, – писал П. Ф. Каптерев, – и начинала действовать другая – трудно определить, ведь грамота изучалась ради возможности читать божественные книги» [11, с. 81]. Школа и Церковь составляли как бы один институт, «отсюда коренной, глубоковоспитательный характер школы – церковно-религиозный душеспасительный, согласно общему духу времени и всему жизненному складу» [11, с. 82].

Особого внимания требует рассмотрение вопроса о так называемых братских школах на землях Юго-Западной Руси, вошедшей в XIV в. в состав Литовского государства, а затем Польши, поскольку дальнейшее развитие образования в нашей стране получило свое направление из этих школ. История появления братских школ связана с появлением православных общин, или братств, которые, для того чтобы парализовать успехи латинской пропаганды, особый упор делали на образование, что повлекло создание братских училищ. Занимались этим миряне – аристократия и горожане. Первые братские школы организовались в XVI в. (у князя Остожского – Остожская, Слуцкая – у князя Курбского).

На первом месте в братских школах стояла забота о выработке религиозно-нравственных начал в учащихся. В то же время в этих школах стали даваться научные сведения, начала распространяться западная наука, хотя она и была схоластической. Использовались своеобразные приемы и формы раскрытия христианского содержания учения. Схоластическая наука стала воспитывать не просто грамотных и начитанных людей, но ученых, которые способны были понять, оценить, объяснить книгу, защитить истину и отвергнуть заблуждения. Это было необходимо для защиты истины православной веры от католицизма. С этого времени стали распространяться и знания по философии, истории, естествознанию. Программа школ включала грамматику, риторику, богословие. Со временем крупные братские школы выработали свой устав, в котором определялась их организация и структура, в том числе начало и конец учебного года, введена классно-урочная система обучения, были разработаны обязанности учителей и учеников. Особое внимание уделялось духовно-нравственному облику учителя, где главным требованием была стойкость в православной вере, благочестивый образ жизни. Школа продолжала оставаться всесословной, от учащихся требовалось послушание и выполнение правил дисциплины, обязательным было посещение богослужений.

После воссоединения с Московским царством (1654) части украинских и белорусских земель влияние подобных школ на образование в Русском государстве усилилось. Церковный собор 1666–1667 гг., осудивший старый обряд, назвал основной причиной раскола невежество духовенства, была поставлена задача ввести для него систематическое школьное образование. Помощь в этом деле оказали Москве выпускники Киевской академии. Однако пока речь еще не шла о создании высшей школы на Руси. В школах продолжалось элементарное образование, греческий и латынь не изучались, а изучалась азбука, часослов, Псалтирь, письмо и пение. Обучение по преимуществу происходило в домах священников и дьячков, т. е. было делом частным, а не правительственным.

В букварях и азбуках того времени решалась следующая двуединая задача: обучение подрастающего поколения и его воспитание в духовно-нравственном аспекте. Через обучение по первому же учебнику дети получали фундаментальные основы духовно-нравственного воспитания и знакомились с православной культурой своей страны. Средствами для этого выступали: тексты духовно-нравственного содержания, в том числе отрывки из Священного Писания, например: притчи, наставления и нравоучения, молитвы, изложение заповедей и нравственных обязанностей человека, пословицы и поговорки, исторические рассказы и т. п.

В конце XVII в. в высшем русском духовенстве зреет мысль о создании греко-славянского просветительского центра. С этой целью в 1687 г. в столицу были приглашены греческие ученые братья Иоанникий (1639–1717) и Софроний (1652–1730) Лихуды, возглавившие греческую школу при Богоявленском монастыре. Эта школа потом волилась во вновь созданную Славяно-греко-эллиническую (позже – Славяно-греко-латинскую) академию (1687) – первое в Московской Руси высшее учебное заведение. Братья Лихуды содействовали развитию на Руси греческого богословия и византийской педагогической традиции, не отвергая при этом и европейской науки. Взяв за основу программы латинских школ Европы, педагоги попробовали перестроить их на православных источниках. Учебный материал осмыслился с православных позиций, учащиеся готовили к полемике с представителями других вероисповеданий. Учение начиналось грамматикой, потом – пиитика, риторика, логика, физика и т. д. до богословских наук. По воскресеньям и в праздничные дни учащиеся собирались в аудиторию и слушали проповеди или толкование библейской истории. Учреждением Московской славяно-греко-латинской академии, положившей начало духовным школам России, закончился первый период в истории русской педагогики – церковный период, характеризующийся, по словам П. Ф. Каптерева, преобладающим положением Церкви и ее мировоззрения в жизни русского народа и его образования.

Итак, до Петра I на Руси сложился церковный тип школы, характеризующийся тесной взаимосвязью с Церковью, всесословностью, нацеленностью образования на удовлетворение религиозно-нравственных потребностей народа, созидание образа благочестивого человека. В содержании образования такой школы не было многоучения, но был синтез религиозных знаний и христианской нравственности.

Конец XVII – начало XVIII в. – время проникновения в отечественную педагогическую культуру начал секуляризма и утилитаризма, разделения школы на светскую и духовную. С эпохи Петра I, по словам П. Ф. Каптерева, начинается период т. н. государственной педагогики: «государство признало, – писал он, – что образование должно служить государственным интересам, готовить просвещенных служилых людей, поэтому оно должно быть практично, профессионально, а для этого сословно» [11, с. 12]. Школа начинает подчиняться государству, которое, в отличие от Церкви, понимало образование по-своему, как призыв более к устройству земных дел, нежели небесных. Образование стало пониматься как созидание хорошего гражданина, служилого человека, профессионала.

В это время возрастает потребность в квалифицированных специалистах, а следовательно, и в соответствующих учебных заведениях. При архиерейских домах появляются цифирные школы (в них преподавались в основном арифметика и геометрия, по поводу преподавания религии точных сведений нет) для детей 10–15 лет всех городских сословий, которые должны были готовить учеников для дальнейшей военной или штатской государственной службы, а также для поступления в специальные технические школы. Также были открыты адмиралтейские училища, гарнизонные школы, школа математических и навигацких наук и др. Эталонном образованного, культурного человека того времени все чаще становится человек с научным образованием, развитым интеллектом и светскими манерами.

Таким образом, в эпоху Петра I образование становится преимущественно профессиональным, нарушается равенство образования, соединявшего ранее все сословия. Создается светская профессионально-ориентированная государственная школа, целью обучения в которой становится подготовка специалистов в основном для военной и связанных с ней областей. Содержание образования в ней составили преимущественно математические и технические науки. Поэтому она была специальной, охватывала небольшой процент детей. Отличительными чертами петровской школы были ее государственный характер, прагматизм (узкопрактическое направление), принудительность, крайний европоцентризм, выражавшийся прежде всего в иностранном составе преподавательского корпуса.

Но, что немаловажно, на своих местах продолжали оставаться и старые приходские школы, делая свое скромное дело распространения грамотности и обучая по старым порядкам. Сельские дети и дети духовенства продолжали получать элементарные знания в приходе или частным образом. Всесословные школы, которые существовали в допетровскую эпоху, принимают профессиональный характер школ для духовенства.

Духовное образование в XVIII в. постепенно начинает отделяться от светского и оформляться в самостоятельную систему. К этому времени сложилось фактическое наследование духовных мест, и необходимые знания передавались от отца к сыну. Петр по кончине патриарха Адриана (1700) передал все церковно-школьное дело в руки киевлян, школа которых, в свою очередь, была копией с латино-польского образца. В 1700 г. открыл школу у себя в Чернигове архиепископ Иоанн (Максимович); в Ростове Ярославском в 1702 г. – еп. Димитрий Ростовский; в Тобольске в 1703 г. – митр. Филофей (Лещинский); в Новгороде в 1706 году – митр. Иов. Чтобы обеспечить прилив учеников, издается закон: дети духовенства впредь не допускаются к церковным должностям, пока не пройдут обучение в специальной духовной школе, более того, без аттестатов духовной школы впредь поповичи не должны были приниматься ни в какие «чины гражданской службы», кроме «солдатского чина». В 1721 г. Духовный Регламент Священного Синода предписывал в каждой епархии иметь архиерейскую (духовную) школу. Содержание образования в ней было следующим: 1-й год – грамматика, география, история; 2-й год – арифметика и геометрия; 3-й год – логика и диалектика; 4-й год – риторика и пиитика; 5-й год – физика и метафизика; 6-й год – политика, метафизика, а также богословие, которое продолжает изучаться и на 7-й год. Преподавались языки: церковнославянский, латинский, греческий и еврейский. Для воспитательных целей была введена система общежития «образом монастыря». При Анне Иоанновне Феофан (Прокопович) преобразует архиерейские школы в «славяно-греко-латинские семинарии». К 1749 г. их число достигает 17, а ко времени царствования Екатерины II – 26 с общим числом учащихся 6000 человек [12].

В период царствования Екатерины II происходит очередное реформирование отечественной школы. С помощью московского митрополита Платона (1737–1811) были устроены низшие епархиальные школы и семинарии в тех епархиях, где их не было, улучшено их материальное положение, студенты посланы учиться за границу для подготовки к профессорству в будущем высшем учебном заведении. Латынь и схоластика постепенно уступали место церковно-славянскому языку и православному богословию, стал изучаться и греческий язык, другие иностранные языки. Сам митрополит Платон выказывал озабоченность нравственным воспитанием учащихся, требовал, чтобы наука шла об руку с нравственностью.

В 1786 г. был составлен «Устав народным училищам в Российской империи», которые мыслились как светские учебные заведения. По замыслу авторов в каждом губернском городе должно было быть главное училище, состоящее из четырех классов. Училища должны были работать на русском языке, для желающих продолжить обучение в высших училищах могли преподаваться основы латыни. Желавшие преподавать после окончания главного училища в низших должны были пройти курс педагогических знаний. Новая школа продолжала пренебрегать религиозным обучением. В екатерининских школах даже курсы типа катехизиса преподавались не священниками, а светскими учителями, и соответствующие учебники были написаны не духовными лицами, а приглашенным из Австрии сербом Ф. И. Янковичем ди Мириево (1741–1814) и только просмотрены и одобрены митрополитом Новгородским; устав 1786 г. совершенно умалчивает об участии духовенства в преподавании и управлении школьным делом. Появился и совершенно новый тип учебника для светской общеобразовательной школы – «О должностях человека и гражданина» (перевод труда И. Фельбигера, 1783), главная идея которого состояла в том, что во всяком звании человек может быть благополучным, достигнув одного через образование. Законопослушный и добродетельный гражданин Отече-

ства, верноподданный царской власти, радетельный хозяин – таковы были идеалы нового образования.

«Старинная свободная дьячковская школа», как ее называл П. Ф. Каптерев, продолжала существовать, хотя ее и теснила новая государственная школа. Смотритель нежинской городской (новой) школы в 1789 г. доносил своему начальству: «дьячковские школы я все осмотрел; в оных обучают по старинному методу, славенскому букварю, часослову, псалтирю и писать. У соборного дьячка 30 учеников, у пономаря сей же церкви 7, учениц 5; у Преображенского дьячка 8, учениц 6; у мещанина 16; у дьячихи 5, учениц 6 и т. д. . .» Всего 121, вдвое больше, чем было учащихся в государственном казенном училище. Сверх того, были школы и при церквях. «Дьячковская школа, – писал Каптерев, – была, конечно, не высокого разбора, но она была любя, что была свободна, в нее никто насильно не гнал и не ташил, воинские команды не ловили для нее учеников. Да и учила она дорогому, душеспасительному предмету – божественному писанию» [11, с. 212–213].

Таким образом, школа в России в конце XVII – начале XVIII в. делится на церковную и светскую. Первая продолжает традиции церковных школ допетровской эпохи, вторая своей целью ставит сначала профессиональную подготовку, затем общечеловеческое просвещение, поэтому вводит в свой курс светский компонент. Возникает и развивается еще один тип школы – духовная школа, профессионально готовящая священнослужителей.

В начале XIX в., по крайней мере с внешней стороны, в народном образовании все представлялось более или менее благополучно: возрастает число школ, главные народные училища преобразуются в гимназии, открываются несколько университетов, духовных академий и т. п. Значительная роль в организации образования, особенно в низших звеньях, стала отводиться духовенству. При каждом приходе организовывались приходские училища, финансировавшиеся Церковью, государством, местным дворянством. Обучали в них чтению, письму, Закону Божию, счету, домоводству. Срок обучения в них составлял 1 год. Учителями чаще всего были приходские священники.

Восстание декабристов 1825 г. усилило внимание и самого Николая I, и общества в целом к проблемам воспитания молодежи. Государству стала нужна такая система образования, которая формировала бы законопослушных и верноподданных граждан. К поискам решения этой проблемы Николай I привлек графа Сергея Семеновича Уварова (1786–1855), видного специалиста в области древнегреческой литературы и археологии, опытного администратора в сфере просвещения и науки. С 1811 по 1822 г. Уваров был попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, а с 1818 г. до конца своей жизни возглавлял Российскую академию наук.

В 1826 г. под руководством С. С. Уварова был создан Комитет по устройству учебных заведений, который подготовил новый «Устав гимназий и училищ, состоящих в ведении университетов», опубликованный в 1828 г. Особенности нового устройства системы образования заключались в том, что теперь каждое предыдущее и последующие образовательные учреждения не имели между собой никакой преемственности. Приходские школы создавались для низших слоев населения, уездные училища – для детей купцов, ремесленников и мещан, гимназии, дававшие право поступления в университеты, – для детей дворян.

20 марта 1833 г. Сергей Семенович Уваров вступил в управление Министерством народного просвещения. Одновременно с этим назначением он опубликовал документ – знаменитую триаду «Православие. Самодержавие. Народность», представленную в виде директивы Министерства просвещения. Уваров отмечал, что в поиске путей российской школы следует выделять те, которые отражают особенность русского менталитета, национальное своеобразие. По определению С. С. Уварова, в окружавшей Россию Европе в 1-й половине XIX в. происходило быстрое падение религиозных и государственных учреждений, что свидетельствовало об обнищании нравственных идеалов, ведущем к социальному хаосу. Поэтому необходимо, считал он, немедленно идеологически окружить и укрепить отечество в тех устоях, на которых

стоит благоденствие, сила и жизнь народная; найти те начала, которые составляют отличительный характер России. Как же представлял сам С. С. Уваров свою триаду? Почему он, когда православие в России являлось государственной религией, отстаивал этот тезис? Дело в том, что православие к тому времени уже не являлось сутью жизни значительной части российского общества. Многие крестьяне и купцы были увлечены идеями сектантства (хлыстовство, скопчество и т. п.). Русская аристократия отдавала дань масонству.

«Православие» рассматривалось Уваровым как основа нравственности, культурных устоев исторически сложившихся в политической и общественной жизни России, отвергающее любое проявление сектантства, ведущее к дестабилизации и расколу в российском обществе. Вслед за «Православием» Уваровым поставлено «Самодержавие», которое у него отождествлялось с понятием государственности, т. е. уважением и почитанием власти. Там, где такого уважения нет, быстро образуется новый разряд людей с особенными понятиями, менее привязанных к правительству, а более занятых собственными выгодами, считал Сергей Семенович. Самодержавие он считал главным условием политического существования России. Христианство и самодержавие стояли, по его мнению, рядом с давних времен, их взаимосвязь включена в христианскую историософию, согласно которой одно явление есть залог другого. Определяя понятие «Народность», С. С. Уваров рассматривал его, с одной стороны, как синоним равноправия исторического народа в среде других таких же, а с другой – как показатель индивидуальности, несхожести, своеобразия как постоянной величины, не подверженной прогрессистским изменениям. Народность понималась им как необходимость придерживаться собственных традиций и отвергать иностранные влияния.

Примечательно в этом отношении введение в школы в качестве обязательного предмета Закона Божия. Со времен Петра I в государственных школах России изучение вероучения как предмета почти исчезло из практики преподавания. В большинстве школ изучение вероучения чаще всего заменялось курсом философии, в том числе и в двух низших классах гимназии. На философию отводилось наибольшее количество часов. Книга «О должностях человеческих» конкурировала с изучением книг Священного Писания. Первые уроки Закона Божия были введены в гимназии Казанского учебного округа в 1809 г. В 1819 г. в программу обучения был включен Новый Завет вместе с катехизисом, но без плана, программы, без руководств, учебных часов и средств содержания законоучителей. Постепенно, однако, Закон Божий как предмет гимназического образования определился, принял устойчивые формы. В 1851 г. обработанный протоиереем Райковским план его преподавания был утвержден Синодом и по распоряжению министра народного просвещения принят во всех гимназиях. По плану Райковского изучение Закона Божия слагалось из изучения молитв, священной истории, катехизиса, кратких учений о богослужении и истории Церкви, отечественной и вселенской. Таким образом, к середине XIX в. в России окончательно сложился Закон Божий как учебный предмет.

После отмены крепостного права в 1861 г. в русском обществе был очевиден подъем, оживление, жажда деятельности. Общее направление деятельности правительства Александра II в первые десять лет было довольно либеральным. Реформами 1863–1864 гг. были сокращены функции попечителей учебных округов и инспекторов училищ, часть которых была передана земским органам, уездным и губернским училищным советам. В состав училищного совета входили представители Министерства народного просвещения, духовного ведомства, Министерства внутренних дел, городского самоуправления, земских органов. Председателем городского училищного совета являлся архиерей, членами – губернатор, директор народных училищ, два члена губернского земства.

В эпоху уничтожения крепостного права, когда вопрос о народном образовании получил небывалую прежде важность, среди духовенства поднялось просветительское движение. Церковноприходские школы открывались по епархиям сотнями каждый год; духовенство жерт-

вовало на них и временем, и удобствами своих жилищ, и деньгами. С 1859 по 1865 г. было открыто свыше 21 400 новых приходских школ исключительно одним духовенством [9].

В 1864 г. вышло положение о земствах. В числе прочей деятельности земства могли открывать и содержать школы. Со временем земства стали заниматься и организацией учебного процесса в школах, а также подготовкой учителей: при земствах стали появляться учительские школы и учительские семинарии. Земства стали устраивать свои школы, часто по европейским образцам, с новым – не религиозным, а «культурным» – направлением. Приходские школы стали присоединяться к земским, число их стало сокращаться.

В 1864 г. было утверждено «Положение о начальных народных училищах». Цель воспитания в них была обозначена как «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных полезных знаний». В начальные народные училища принимались все желающие без ограничения возраста. Содержание образования включало Закон Божий, грамоту, счет и церковное пение. Обучение по преимуществу было бесплатным. Школа объявлялась всесословной. Преподавать могли и духовные, и светские учителя. Последние должны были получить разрешение от уездного училищного совета.

После 1861 г. по общественной инициативе появляется и новый тип учреждений – воскресные школы, ставшие впоследствии уникальным явлением православной педагогической культуры. «В разных городах и селах России в промежуток времени с 1857 по 1860 г. возникло по частной инициативе до 500 воскресных школ. Отличительной чертой их были – бесплатный и добровольный учительский труд, бесплатное помещение и новая педагогическая задача дать учащимся – взрослым и подросткам – не только элементы грамотности и математики, но и первоначальное общее развитие [32, с. 33]. В воскресные школы учиться шли по желанию, обучение было бесплатным, а учительский персонал весьма разнородным: священники, дьяконы, врачи, студенты и т. д. Но в существовании школ стали возникать проблемы, некоторые воскресные школы стали использоваться для пропаганды политических идей. В 1862 г. школы закрыли, а в 1864 г. они были разрешены вновь. Теперь они открылись при большинстве духовных семинарий, позже появились частные воскресные школы. 13 июля 1884 г. вышли «Правила о церковно-приходских школах», где отдельным параграфом духовенству разрешалось открывать при церковно-приходских школах школы воскресные. Просуществовали воскресные школы вплоть до революции 1917 г.

К. Д. Ушинский, посетив в свое время ряд таких школ, вынес из них, по его словам, «самое отрадное, самое успокоительное чувство» [29, с. 58]. Из своих наблюдений Ушинский сделал вывод о нужности и своевременности воскресных школ в России. Как опытный педагог, он дал несколько советов в их устройстве, в частности указал на то, что не следует спешить с обучением в воскресной школе грамоте, поскольку грамотность только тогда будет важным приобретением для человека, «когда он вместе с ней получает желание и умение пользоваться ею как следует, т. е. так, чтобы чтение развивало его ум, обогащало его полезными познаниями и укрепляло в нем христианский, нравственный элемент» [29, с. 64]. «Читать, – писал ученый, – это еще ничего не значит: что читать и как понимать читаемое – вот в чем главное дело». Поэтому он советовал не торопиться с учением чтению и сопровождать его постоянным умственным и нравственным развитием учеников.

Со времени отмены крепостного права и появления земских образовательных учреждений общественное сознание по вопросу устройства русских школ отразилось в двух резко противоположных направлениях: одни желали видеть народную школу строго церковной направленности, другие – со светским характером. Однако впоследствии в лагере противников церковного характера народной школы появилось колебание. Прежде они отстаивали идею обустройства народной школы по образцу американской, где не учат религии, а сообщают только множество полезных в жизни знаний. Затем начали соглашаться, что религиозная потребность народа должна быть удовлетворена в народной школе» [7, с. 52].

По мнению историка А. Р. Забелина, в то время когда только начали широко устраиваться народные школы, т. е. с 60-х гг. XIX в., достаточно было бы подчинить их непосредственному и ближайшему наблюдению духовенства и, конечно, самих учредителей, общин и родителей. Защитники светского характера школы возражали против подобного рода их устройства еще в 60-х гг., аргументируя свои возражения тем, что при контроле духовенства клерикальный характер школы лежал бы тяжелым ярмом на учителях и, отчасти, на народе. Приходской священник рисовался в то время врагом света и прогресса, на вид выставлялась педагогическая несостоятельность духовенства и будто бы всеобщая нелюбовь к нему народа. Но вышло все наоборот. «По словам профессора Рачинского, – писал Забелин, – хорошо знающего школу, к образованным в светском смысле учителям народ не оказывает доверия, школы же с церковным характером – процветают... Мы сами слышали от земских деятелей, занимающихся школами, что если бы земства искусственно не поддерживали школы своей опекой и субсидиями, то из настоящих школ не осталось бы и десятой части; напротив же – церковно-приходские школы все уцелели бы» [7, с. 59–60]. Церковно-приходские школы А. Р. Забелин называл «самостоятельными, а не подражательными учреждениями», существующими в России [5, с. 2]. В своей книге он так описывал устройство одной из них. Церковно-приходская школа в селе Тростянице Бельского уезда Гродненской губернии сначала была одноклассной церковноприходской школой с двухгодичным курсом, позже обращена в двухклассную с четырехгодичным курсом. При втором классе был открыт курс сельского хозяйства, для чего были выделены деньги на жалование соответствующего педагога, садовника, на практическую работу в летнее время и на покупку сельскохозяйственных орудий. Устроитель школы – священник Сосновский – всю церковную землю своего прихода предоставил к услугам школы, чтобы разбить большой фруктовый сад, завести огороды и пчеловодство. Также при школе имелось большое здание для мастерской, в которой сам священник обучал золочению и столярному мастерству, книжный склад, общежитие. По воскресеньям и праздничным дням в школе происходили чтения и беседы [5, с. 3–4].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.